

МАРИЯ Р. ХАЙДАРПАШИЧ, АЛЬБИНА И. САТАЕВА
ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования»

Дети с КИ в школьном возрасте Четыре истории развития*

АБСТРАКТ: The article presents successful and unsuccessful case stories of children after cochlear implantation. They illustrate considerable differences in the development of children with cochlear implants installed: from high development scores for the age group and the ability to attend regular school classes with hearing peers, to a significant delay not only in relation to the age group, but also in relation to deaf children of the same age who receive special education. The article shows that a failure to complete the initial stage of rehabilitation after cochlear implantation precludes further development of the child as a hearing individual and makes complete socialization impossible.

KEY WORDS: child, deafness, hearing loss, cochlear implantation, initial rehabilitation stage, natural development of speech and communication, level of development, age group norm

Случай первый Оля К.

КИ проведена в 1 год 9 месяцев. Благодаря реабилитации девочка перешла на путь естественного развития. К моменту поступления в школу развитие ребенка приблизилось к возрастной норме.

Из рассказа мамы

Прошел месяц с момента первого подключения процессора, Оле 1 год 9 месяцев. Процессор не снимает, но четких реакций на звук не наблюдаем. На занятиях все воспринимает слухо-зрительно (в основном), только на слух

* Работа выполнена в рамках: Государственное задание № 27.8739.2017/БЧ Минобрнауки РФ. Статья первоначально опубликована в: «Альманах Института коррекционной педагогики» 2016, № 24.

– плохо. Громкие и тихие звуки не различает, рефлекс есть, но не четкий. Занимаемся 2 раза в день (около 40 минут на одно занятие). Когда мама начинает раскачиваться под музыку – начинает тоже «танцевать». На телефонный и дверной звонок реакции нет. Один раз на улице среагировала на звук проезжающей большой машины. В целом, изменения после операции значительные: ребенок стал эмоциональным, общительным, открытым. Дискомфорта от ношения процессора не испытывает, очень любит заниматься с развивающими игрушками (мозаика, мягкий конструктор), рисовать красками, играть с куклой.

Спустя еще месяц занятия длятся уже около часа, постепенно ребенок начинает воспринимать на слух слова «собака», «кошка», «корова», «дом». Рефлекс улучшается. Громкие и тихие звуки различать пока не получается, но слухо-зрительно воспринимает информацию хорошо, стала определять глаголы (спит – «бай-бай», едет – «би-би», ест – «ам-ам», идет – «топ»). Прибавляет и убавляет звук на радио, раскачивается под музыку, с интересом смотрит мультики, когда кто-то уходит, говорит «пока» («папа»).

Еще спустя три месяца после подключения звукового процессора стала реагировать на отдельные звуки (летающий самолет, громкую музыку на улице). Стала четко отзываться на свое имя в тишине, пытаться говорить «мама», «папа», «баба», «привет» («п-п»). Появились звуки «в», «б», «а», «о», «у», «п», «м» (больше гласных). Хорошо занимается, на занятиях почти все выполняет на слух, имитирует животных (кошка – «ау», собака – «ав», корова – «му», лошадь – «оп», лягушка – «ва», мышка – «пи-пи», медведь – «бо-бо»). Ребенок начинает различать цвета, размеры, действия.

В быту постоянно говорит, интонирует, берет микрофон и «поет», зовет брата, что-то «рассказывает». Но пока существуют затруднения с согласными звуками.

По прошествии 4 месяцев после подключения звукового процессора реагирует на имя (в машине на фоне музыки, дома на фоне телевизора), работающий телевизор, иногда на мобильный телефон, разговор родителей, музыку в машине, громкие звуки на улице, выполняет некоторые поручения без жестов («поцелуй маму», «принеси», «дай», «садись»). Стала «разговаривать» (лопотать) по телефону с интонацией, «рассказывать» что-то. На занятиях материал теперь воспринимает на слух, «схватывает» все значительно быстрее, повторяет слова, но по-своему и пока непонятно, как обычный маленький ребенок.

В возрасте 6 лет Оля стала ходить на подготовительные курсы для будущих первоклассников общеобразовательной школы, которые проходили два раза в неделю по три часа.

С детьми и учителем девочка быстро нашла общий язык, появились новые подружки. Я попросила педагога не делать никаких послаблений в требованиях, не выделять ребенка (в плане оценивания и отношения). Единственное, мы совместно определили парту, за которой предстояло заниматься дочке. Сначала это была первая парта в среднем ряду, но по прошествии времени ребенок сам попросился за вторую парту того же ряда, аргументировав это тем, что со второй парты удобнее не только слышать, но и видеть учителя и материал у доски. Это место и закрепили за ребенком, лишь изредка меняя

правое и левое место за партой. Поскольку дочка к моменту начала школьной жизни уже умела читать, писать буквы и слоги, привыкла заниматься (свою роль сыграли регулярные занятия дома, а впоследствии прибавились и в детском саду), научилась усидчивости и вниманию, то и на школьные уроки для будущих первоклассников ходила с большим удовольствием, ждала их. Ей было интересно ее новое положение – уже почти ученица школы.

Начало первого в жизни учебного года в школе прошло гладко и позитивно. Девочка выполняла все задания очень старательно и добросовестно. Мама присутствовала при выполнении домашних заданий скорее в роли наблюдателя и поддержки, чем подсказчика (конечно, если возникали вопросы, то пыталась ребенка направить на правильное решение, а не сразу подсказать правильный ответ). Постоянно просила дочку проговаривать вслух все выполняемые действия, объяснять ход решения при выполнении заданий по математике или написании текста по русскому языку, читать и пересказывать тексты по устным предметам. Во втором классе, когда на уроках дети стали уже писать много под диктовку (в частности, диктантов по русскому языку), сначала возникли небольшие трудности: дочка могла сделать ошибку в диктанте только лишь потому, что недослышала слово (может быть, это было связано с положением учителя в разных частях кабинета). Это произошло всего два-три раза. Но поняв это, я не стала просить учителя ни устраивать персональные диктанты, ни диктовать погромче текст. Я объяснила дочке, что необходимо внимательно слушать, и проблема была решена – ошибок подобного рода не стало. Начиная со второго класса (оценки начинаются именно со второго класса), ребенок учится с одной «4» по математике в четверти. Девочка очень активно участвует во всех школьных мероприятиях (конкурсы рисунка, «Минута славы» – пела песню и заняла 2 место, постоянно танцует в составе группы на школьных праздниках и т.п.). Несмотря на возможность посещения специальной группы по физкультуре, дочка успешно посещает данные уроки со своим классом (конечно, понимая, в каких ситуациях на уроке ей нужно быть осторожной). При переходе из начальной школы в среднюю, где появилось много педагогов по разным предметам, трудностей у ребенка не возникло, девочка продолжает успешно справляться со школьной программой. Учителя, так же, как и первый учитель, не «делают скидок» на особенность ребенка (для меня это принципиально) и требуют от девочки выполнения требований наравне со всеми учениками в классе.

Если у Оли возникают вопросы по материалу (в основном, по математике), она может подойти к педагогу и попросить объяснить непонятные моменты, разобраться вместе. Но дополнительных занятий по учебной программе не требуется. Ребенок внимательно слушает учителя на уроке и, в основном, программа усваивается самостоятельно. Учителя отмечают, что на уроках девочка сосредоточена, достаточно активна и дисциплинирована, всегда готова продолжить ответ предыдущего ученика и закончить мысль (может и подсказать «незнайке»). По своей природе дочка достаточно скромный человек, но занятия с 4 лет вокалом и частые выступления на большую аудиторию, доброжелательное общение с детьми и воспитателями в детском саду раскре-

постили девочку, и она старается быть активной как в школе (была избрана старостой класса в одной из четвертей), так и вне учебного заведения.

Из школьных предметов нельзя выделить особо любимые, ко всем относится достаточно ровно и ответственно, участвует в школьных олимпиадах по русскому языку и математике, стала лауреатом Всероссийского конкурса «Эрудиты планеты» (в составе группы из 7 человек). Английский дается хорошо, приходится учить много слов и некоторые со временем забываются, но после возвращения к пройденному материалу все вспоминает. У ребенка полноценная и интересная школьная жизнь.

Параллельно с началом учебы в общеобразовательной школе дочка поступила в художественную. Занятия проходят каждый день по 3,5 часа. Изучает живопись, рисунок, историю искусства, скульптуру, дизайн, композицию и другие предметы. Девочка научилась организовывать свое время и успешно справляется с обучением в двух школах, уроки делает самостоятельно, лишь изредка обращаясь за помощью. Также посещает курсы английского языка, учит много стихов, очень любит читать.

Из досуговых занятий можно выделить различные виды творчества: много рисует, декорирует, мастерит, фантазирует с различными материалами. Кроме того, очень любит читать. Это, в основном, классические произведения зарубежных авторов о жизни сверстниц, о животных. Как и все дети, любит смотреть фильмы и передачи по телевизору (соответствующие возрасту), успешно освоила компьютер. Стараемся посещать музеи и театры. Спектакли вызывают у нее больший интерес, с удовольствием потом пересказывает и обсуждает увиденное.

У дочки много подружек, но самые близкие – это те, с которыми познакомилась в детском саду. В свободное время встречается с девочками, они ходят друг к другу в гости, в кинотеатр, вместе гуляют. Также подружки любят поболтать по телефону, обсудить все новости. Есть и лучшая подруга в классе.

Случай второй Алеша Н.

КИ на правое ухо была проведена в раннем возрасте. Благодаря реабилитации мальчик перешел на путь естественного развития коммуникации и речи. КИ на второе ухо была сделана в возрасте 6,5 лет. К моменту поступления в школу развитие ребенка приблизилось к возрастной норме. В общеобразовательной школе ребенок успешно учится и благополучно развивается в среде слышащих.

Из рассказа мамы

С самого рождения наш старший сын, Алеша, развивался согласно возрастным нормам, активно гулил к 3 месяцам, следил взглядом за яркой игрушкой, вертел головой в разные стороны за ней, переворачивался, пополз в 7 месяцев, сам сел в 8 месяцев из положения лежа, а в 11,5 месяцев пошел.

Единственное, что настораживало, это то, что к 4 месяцам, когда, согласно развитию детей они должны уметь поворачивать головку в сторону источника звука, наш малыш этого не делал. И, только когда заметит нас краем глаза, то радостно поворачивался и улыбался. А если я, неопытная молодая мама, хотела установить с ним контакт глаза в глаза, то махала ему перед личиком рукой, и тогда он поворачивался в мою сторону и улыбался. К 5 месяцам это переросло в тревогу, все ли в порядке с малышом, и тогда мы начали греметь сковородками за его спиной – сразу стало понятно, что реакции нет никакой.

В 5 месяцев мы уже точно знали, что наш малыш не слышит, к 6 месяцам были подобраны слуховые аппараты. Занимались с сурдопедагогом, и уже к году у малыша появился первый лепет, он оборачивался на громкий звук (например, сидя в коляске, мог повернуть голову назад, когда мама громко говорила «мяу» или «гав-гав»), но понимания речи не было.

Мы стали готовиться к кохлеарной имплантации и провели операцию на правое ухо в возрасте 1 года и 5 месяцев.

В полтора года было включение – и это, несомненно, начало нового этапа в нашей жизни. Изменилось, конечно, очень и очень многое. Во-первых, уже через месяц было понятно, что малыш довольно четко реагирует и на достаточно тихие звуки, и даже – звуки издали (из другой комнаты, с расстояния более 20–30 метров на улице). И мы, и малыш занимались с удовольствием. Конечно, понимали, что мгновенного результата ждать не стоит, но бесконечно радовались уже тому, что он вприпрыжку бежал на кухню из другой комнаты и пальчиком показывал на шипящий закипающий чайник. Или же весело бежал к входной двери, когда звенел звонок. Обязательно поддерживали его успехи, хлопали в ладоши, кричали: «Ура! Ура! Ура!».

Любой звук, который нужно было услышать ребенку на занятиях, никогда не звучал просто так. Мы всегда пытались донести смысл, чтобы звуки вызывали интерес. Слышим звук – машем флажком! Ура-ура-ура! Нам также было важно, чтобы ребенок четко реагировал на предлагаемые звуки.

Очень ждали момента, когда же наступит не только скоро поспевшая реакция на звуки, но и само понимание речи. Это произошло через 3 месяца после включения, на слова «мама» и «папа» на занятии малыш четко показал на маму и на папу. Дальше – легче. По советам педагога многократно проговаривали все бытовые моменты в течение дня, а также отмечали, что особенно нравится и приятно ребенку, и, взяв это на заметку, добивались понимания различных слов. Например, малыш очень увлечен городской техникой. Отлично, значит, мы остановимся у первого возможного трактора на улице и весело попросим тракториста показать нам, как трактор едет, прокатить, потрогать руль, посмотреть, какое у трактора большое колесо. Порадуем-

ся, а затем повторим несколько раз. На начальном этапе момент заинтересованности очень и очень важен. Мы обязательно следовали за интересами ребенка, покупали игрушечный трактор и экскаватор и с помощью этих любимых игрушек изучали цвета, возили и перекладывали красный, зеленый, желтый, синий кубики. Опять красный, желтый, зеленый, синий. Опять красный, красный, красный – очень весело! Подняли – упал! И вот уже через пару дней малыш четко показывал везде все красное, синее, зеленое и желтое! И везде замечал желтую технику. Конечно, первое время – это постоянное проговаривание всего, но как же это приятно и здорово осознавать, что ребенок слышит и усваивает информацию с помощью чудесного изобретения – кохлеарного импланта и процессора.

Через полгода после включения малыш был готов легко усваивать новые слова. В его пассивном запасе уже было около 100 слов. Началось активное звукоподражание всему. Четко произнести слово он пока не мог, но контуры слов обрисовывались довольно понятно. Например, пожарная машина – «по-жа», ягодка – «я_хо_ха». Если мы смотрели мультики – то по 50 раз одно и то же, постоянно проговаривая и комментируя все происходящее. Потому что, даже при появлении первых контурно произнесенных слов, наш основной акцент был поставлен, главным образом, на понимание речи. Потом сама же речь начала появляться спонтанно, в основном, от положительных эмоций. Малыш увидел большую и красивую мусорку, и тут же повторил «му-со-х-а му-со-ха». На игрушечный, полностью идентичный настоящему экскаватор, он говорил «э-а-а-то, э-а-а-то» и т.д.

В 2 года и 3 месяца Алеша пошел в ясельную группу детского сада комбинированного вида, где на 10 слышащих деток было 5 имплантированных. К тому времени прошло 8 месяцев с момента включения, у ребенка было довольно неплохое понимание речи на бытовом уровне, и с ним хоть как-то можно было договориться. Занятия и нахождение в комбинированном саду благотворно повлияло на развитие мальчика, он с удовольствием повторял многие упражнения даже дома. Нам очень повезло с педагогом, как на самом начальном этапе нашего развития, так и в детском саду. Но это, никоим образом, не освобождало нас от постоянных занятий дома (в поездках, на прогулках, где угодно). С самого начала сурдопедагог внимательно наблюдала за нами, исправляла наши ошибки, практически учила нас новому взаимодействию с малышом. Это как «не временно посидеть, на диете, чтобы похудеть, а постоянно поддерживать здоровое питание, для того, чтобы оставаться в форме». На определенный период мы должны были поменять прежний образ жизни. И мы сделали это с благодарностью, радуясь тому, что у нас была возможность понимать, как это делать, что с нашей проблемой мы были не одни, а в руках знающих специалистов, которые не только научат, но и успокоят, а это очень и очень важно. Самая первая помощь нашего первого сурдопедагога заключалась в том, что она на практике показывала нам различные занятия, которые помогли ребенку привыкнуть к звукам окружающего мира, различать их, соотносить и плавно перейти к пониманию речи. Это были и действия по сигналу, и поиск звука, и различие двух и более звучащих предметов.

Постепенно переходили к функции понимания речи в действии, разыгрывали интересные сценки с игрушками. Пели веселые песенки и рассказывали детские стихи, одновременно проигрывая и показывая их смысл с помощью тематических игрушек и материалов. (Например, проговаривая детское стихотворения «Идет бычок, качается» – радостно отпускали шагающего деревянного бычка на крошечную настольную дощечку и наблюдали, как же он, «бах», упадет).

Вообще, что касается нашего конкретного случая, то в период изначально речевого развития у Алеши было очень много именно спонтанных эмоциональных реакций – много хохотал, удивлялся, замирал. Он начал «звучать» еще до появления полноценного понимания речи. Самое главное, что он явно получал от этого удовольствие – ему все нравилось. Много появлялось как будто само собой, естественным образом.

Со временем количество пассивных и активных слов росло, и к трем годам Алеша уже спокойно составлял предложения сам, имея возможность высказывать свои мысли и желания. С ним становилось все легче и легче общаться, и к 4 годам общение стало практически равным общению с нормально слышащим ребенком. Мальчик был абсолютно готов к быстрому восприятию совершенно новой информации, задавал множество самых разных вопросов, а главное, с удовольствием слушал. Более того, настаивал на постоянных рассказах обо всем на свете, практически, совсем как обычный ребенок его возраста. Благодаря красочным и образным повествованиям взрослых (дедушки, бабушки, родителей, воспитателей, друзей) накапливался пассивный словарный запас не только слов и выражений, но и интонаций. К 5 годам наш мальчик уже мог составлять очень красочные рассказы. Со сверстниками и другими взрослыми общался спокойно и уверенно. Если что-то недопонимал, с удовольствием переспрашивал и просил повторить.

В возрасте 6,5 лет Алеше сделали операцию на второе ушко. Над возможностью «сделать второе ушко» мы часто задумывались и ранее, но как-то не складывалось, можно сказать, что нас уговорили врачи и наш сурдопедагог. Реабилитация после второй КИ – очень интересный процесс. Первое время после включения «второго (правого) ушка» было для нас, готовым ко многому, все равно очень удивительным. Поскольку вторая операция была сделана в возрасте 6,5 лет, когда речь ребенка уже была хорошо развита, было очень интересно спрашивать про его ощущения. Конечно, ошибочно ожидали, что он начнет понимать хоть немного сразу после включения, но, на самом деле, первые две недели он просто привыкал к новым поступающим к нему сигналам. Ребенок нервничал и злился, со вторым ушком ему было в первый момент хуже, чем без него. Но уверенные слова сурдопедагога о том, что с течением времени все встанет на свое место, успокаивали. Он заново учился слушать. На это требовалось время. Ежедневные короткие занятия (поначалу ему с трудом удавалось выдержать занятия длиной в одну минуту, очень уставал и переживал) дали свои плоды. Через полгода он мог разобрать знакомое (заранее обговаривали тему беседы) предложение. Еще через три месяца мы начали проговаривать с ним незнакомые слова, и он их понимал и повторял. Затем,

как-то незаметно однажды утром одели ему только новый аппаратик, и поняли, что ребенок освоился. Понимает любую речь. Прошел год, и с уверенностью можно сказать, что он полностью поймет любую речь. Его «первое ухо» осталось ведущим и любимым, но двумя ушами ему теперь нравится слушать больше, чем одним.

Сейчас Алеше 7 лет, он учится в обычной школе со слышащими детьми. Особых проблем с обучением нет. Сидит за первой партой. Конечно, может что-то упустить, отвлечься, но обязательно переспросит у учительницы, если необходимо. Ему уже можно читать довольно сложные книги, абсолютно не упрощая на свой доступный лад содержимое, как это бывало раньше, так как запас слов позволяет все понимать. С ним очень и очень интересно общаться, он увлеченный мальчик и многое знает, а главное, стремится узнать еще больше!

Вообще, наш мальчик, похоже, большой романтик. Радует каждую травинку, тому, что пришла весна, отмечает красоту природы и городской архитектуры. Да и сам готов создавать замысловатые постройки из кубиков Lego. Иногда этот мальчишка хитрит, часто и много шутит, с удовольствием пародирует разные образы, и мы благодарны Богу, что он дал нам возможность повстречать правильных людей, которые вовремя помогли и продолжают помогать нам своими такими нужными делами и советами.

Алеша принимает участие в различных олимпиадах, ему это очень интересно, а, главное, у него неплохо получается. Обожает географию и историю. Готов часами рассматривать карту мира, нашли с дедушкой самую, по их мнению, далекую от нас страну Новую Зеландию и сейчас просит нас туда поехать зимой, потому что по другую сторону экватора будет лето.

Коллекционирует энциклопедии «ЭКСМО» для детей и с удовольствием читает их сам, но слушать, когда что-то новое и увлекательное читают родители, ему пока, конечно, приятнее. Из книг любит скорее приключения, с удовольствием слушает «Волшебника Изумрудного города» Волкова, «Палочки для Васькиного барабана» Крапивина, «Как папа был маленьким» Раскина, прослушал почти все рассказы Носова, очень любит сказки Пушкина. Както, в течение месяца, перед сном заслушал «до дыр» аудиоверсию «Сказки о царе Салтане» Пушкина, так, что даже случайно выучил ее наизусть. Сейчас очень любит исторические книги, энциклопедии. Есть очень красочное издание «Бородинская битва. 1812» Бунтмана и Эйдельмана – держа в руках такую книгу, захочется ее непременно прочитать самому. Благодаря огромному интересу к услышанному словарный запас увеличивался. Школьный психолог, при личном общении, отметила интересный образ мышления, а также богатую и развернутую речь ребенка, широкую сферу его интересов и увлечений.

Наш мальчик очень любит, если не сказать, обожает, посещать музеи. В частности, Третьяковскую галерею. Готов ходить туда постоянно. Не оставляет без внимания и технические музеи, расспрашивает обо всем. Музей Дарвина тоже привлекает, ходил туда много раз и не перестает находить для себя новое и неизведанное. Еще малышом бегал по музею от витрины к витрине, расспрашивал, а сейчас все читает сам, а даже рассказывает нам, родителям,

потому что свежи его знания, которые он почерпнул из детских красочных энциклопедий.

Обожают путешествовать и мечтать. О предстоящих увлекательных поездках готов говорить часами, обсуждать все детали вплоть до самых мелочей и просто млеет от удовольствия, проговаривая все эти моменты. Например, как мы всей семьей поедem с ночевкой на дачу к нашей знакомой, у которой там много домашних животных, как ему будет весело с ними бегать, а потом дети пойдут наблюдать за муравьями, и еще на родник за водой. Как они будут фантазировать со своим другом о том, что местный уличный котенок в опасности, а они его спасают. А большую овчарку будут дрессировать на лужайке, и он тоже будет говорить ей команды, а она будет выполнять. Ночью он обязательно будет спать в палатке в своем новеньком, недавно, с большим вниманием, купленном специально для таких случаев спальном мешке, смотреть на звезды и находить там различные созвездия. И в палатке обязательно будут сеточки от комаров и от насекомых, чтобы спать было безопасно.

Несколько слов об общении Алеши со сверстниками. С самого детства я, как мама, не могу отметить каких-то особенных моментов, которые бы бросались в глаза при общении ребенка с другими детьми. До сада на площадке возле дома он весело бегал с ребятами вокруг, играл и хохотал либо плакал, когда что-то шло вразрез с его желаниями и интересами. В садике поначалу контактировал с детками без использования речи, а со временем (с развитием речи) он постепенно использовал ее в своем общении. К моменту выпуска из детского сада и даже немного раньше мальчик абсолютно свободно общался на любые темы с любым человеком. Его прекрасно понимали взрослые и дети. Он запросто подойдет на площадке к ребятам, познакомится и вольется в процесс их игры, если ему это будет интересно. Дружит со старшими ребятами, зимой строил с ними крепость, весной вместе запускали вертолет, ему радостно учиться у них всему. Сейчас мы заканчиваем первый класс, и многие взрослые говорят мне о том, что с сыном интересно и приятно вести диалог. Его рассуждения любопытны, а интересы обширны.

Сейчас у Алеши есть слышащие друзья. Он с удовольствием ходит к ним в гости, приглашает к себе, мы ездим вместе на мероприятия и гуляем в парках. Они вместе шутят и смеются, общаясь с ними, он использует разные интонации голоса и даже поет. Они играют в ролевые игры. После недавнего переезда уже успел подружиться с мальчишками во дворе. В школе общается со всеми ребятами, но друг – мальчик из группы детского сада, с кем они вместе попали в один класс. А во время летнего пляжного отдыха с удовольствием руководит стройкой песочных замков на берегу озера в компании обычных слышащих детей.

Мы, родители, бабушки и дедушки, очень благодарны врачам-хирургам, которые успешно провели операцию, настройщику речевого процессора, которая проводила многочисленные настройки, а также нашим любимым сурдопедагогам за такой профессиональный и в то же время теплый и внимательный индивидуальный подход, важные и нужные своевременные рекомендации и наставления, пример эмоциональных и действенных занятий. Если

бы мы не сделали КИ вовремя, то, конечно же, мы бы не смогли достигнуть сегодняшних результатов. Еще раз хотим выразить нашу благодарность всем специалистам, принявшим участие в этом важном для нас деле по превращению ребенка в социально активного члена общества слышащих людей.

Случай третий Вера К.

КИ успешно проведена в дошкольном возрасте. Благодаря реабилитации девочка перешла на путь естественного развития, однако к концу дошкольного возраста развитие девочки не приблизилось к возрастной норме. Среда и образовательный маршрут были выбраны неверно, выбор общеобразовательной школы не соответствовал развитию ребенка. В обычной школе девочка начала испытывать явные трудности в обучении, не складывались отношения со слышащими сверстниками. Разрыв между обучением и развитием постоянно нарастает, девочка испытывает, осознает и начинает глубоко переживать дискомфорт от пребывания в неадекватной среде, он становится непереносимым.

Из рассказа специального педагога

Вера потеряла слух после перенесенного менингита. Операцию кохлеарной имплантации девочке сделали, когда ей исполнилось 5 лет, к этому времени речь ребенка практически распалась. Мне довелось познакомиться с ней спустя 7 лет, когда Вере исполнилось уже 12 лет. К этому времени семья переехала в Москву из небольшого северного города, где девочка училась в общеобразовательной школе, не получая специальной помощи. Мама пришла в наш Институт с жалобой на то, что у дочери очень трудно складывались отношения в прежней школе, ребята часто дразнили ее и не принимали, учительница же не понимала проблем имплантированного ребенка и не помогала девочке. С переездом в Москву стало чуть лучше, маму радовало, что здесь «дети гораздо дружелюбнее и хорошая учительница, к девочке относятся хорошо, не дразнят, как это было раньше». Однако теперь семья переживала, что Верочка плохо учится, у нее, со слов мамы, были серьезные трудности в изучении географии и истории, потому что на этих предметах часто задавали доклады и сочинения, с которыми девочка не справлялась. Несмотря на то, что в Москве было легче, проблемы во взаимоотношениях со сверстниками сохранялись – многие не принимали ее, редко приглашали гулять, совсем не звали на дни рождения и не особенно хотели приходить к ней. Находились и те, кто обзывал дурочкой, что очень обижало Веру.

Мое первое впечатление о девочке было очень благоприятным. Я увидела имплантированного ребенка с достаточно свободной речью и не испытывающего проблем в восприятии речи окружающих взрослых. Коммуникация была достаточно естественной и свободной, при первом знакомстве у меня не возникло необходимости подстраивать, адаптировать, приспособливать свою речь к возможностям ребенка. Девочка живо реагировала на окружающие звуки, не вызвало сомнений, что она слышит и понимает шепотную речь, более того – общение не ухудшалось, даже если повернуться к ней спиной. Девочка не производила впечатления ребенка с тяжелым нарушением слуха, потому что легко и с удовольствием вступала в коммуникацию и даже рассказывала о той музыке, которую с увлечением слушала.

Стало понятно, что первоначальный (запускающий) этап реабилитации после кохлеарной имплантации прошел благополучно, т.е. коммуникация была успешно восстановлена на естественной сенсорной основе и не вызывала видимых затруднений. В то же время настораживало содержание общения, его «детскость», наивность, несоответствие возрасту. Временами речь становилась мало интонированной, иногда проскакивали аграмматизмы. Принимая во внимание жалобы мамы, мы предприняли попытку оценить общее развитие ребенка, понять, насколько оно приближается к возрастной норме и есть ли перспектива сближения с ней. Для оценки развития мы использовали как обычные, так и специализированные методики, рассчитанные на выявление особых образовательных потребностей детей с тяжелыми нарушениями слуха.

Первые диагностические занятия показали, что девочка быстро утомляется и не скрывает этого, но при поддержке со стороны взрослого у нее появляется «второе дыхание», и она готова продолжать работать. Верочка оказалась чувствительна к любым ошибкам и неудачам, девочка огорчалась и «зажималась» как только понимала, что не успешна. Вместе с тем двенадцатилетнюю Веру легко было успокоить. Достаточно было любого поощрения, как это бывает с маленьким ребенком.

В ходе занятий выяснилось, что Вера легко и верно соотносит образы окружающего мира с временами года, без труда находит и называет все существенные признаки сезона, отвечает на стандартные вопросы уверенно. Однако когда ее спрашивали о личном опыте впечатлений, наблюдений и действий в сфере сезонных явлений, она была не в состоянии связать события своей жизни с «отработанными» в школе названиями и календарными датами.

Читала Вера с невероятной скоростью, практически не делая ошибок в словах, лишь изредка путая окончания и ударения, при этом ошибок не замечала. Знаки препинания не имели для нее смысла – читала быстро и на одном дыхании, без пауз и часто монотонно. Стоило обратить внимание девочки на это, как она тут же старалась исправиться – читать медленнее, стараясь выдерживать паузы. Однако понять несложный для нормально развивающегося ребенка 12 лет текст, пересказать и ответить на вопросы Вера не смогла. Чтение девочки было бездумным, она как будто «скользила» по поверхности текста, читая его по принципу «что пойму – то и пойму». Так, в ответ на воп-

рос о смысле прочитанного в дороге, она ответила, что не знает, про что текст, «просто прочитала и все».

При обсуждении прочитанной со мной сказки Натальи Абрамцевой «Как у зайчонка зуб болел», выяснилось, что двенадцатилетняя Вера запомнила персонажей, могла назвать каждого, «схватила» ключевые моменты сюжета, однако смысла прочитанного не поняла. Проверка собственно читательских умений ребенка по специальным методикам показала их явно недостаточную сформированность и несоответствие требованиям общеобразовательной школы.

На другом занятии Вере предложили рассмотреть картинки из жизни сверстника (мальчик держит в руках только что испеченный пирог; порезал палец; просит у мамы прощения за что-то и т.д.) и описать кратко возможные смысловые контексты. Вера предлагала однотипные варианты описаний. Так, например, к картинке с изображением мальчика, просящего прощения у мамы, девочка предложила следующие варианты происходящего: «Забыл помыть посуду»; «Забыл убраться»; «Забыл пропылесосить»; «Забыл погулять с собакой». Предложение выйти за пределы найденных вариантов не нашло отклика у девочки – она не понимала задачи и не принимала ее.

В ответ на просьбу описать один день своей жизни, Вера написала: «Когда я проснулась я начала смотреть телевизор смотреть а мама спала. Когда мама проснулась я начала заниматься. Сначала делала задание 7 а потом читала приключения карандаша и самоделкина. Я прочитала 2 раза и пересказала. Мама разрешила сесть за компьютер. Я сидела и сидела. Когда мне позвонила подруга. Она сказала: «Вер ты выйдешь гулять?». А я сказала: «Нет не выйду». Я спросила у мамы с разрешение ко мне в гости. Мама сказала: «Сначала поешь а потом я подумаю пригласить или не пригласить». Я поела и мама сказала можно. Они пришли. Мы играли до часа. Когда час прошло мы пошли гулять».

Аналогичные по уровню рассказы девочка смогла составить самостоятельно и по предложенным картинкам: «Однажды Миша смотрит телевизор а по телевизору показывали футбол кто забьёт гол тот победит. Они за биле гол Миша начел обрадоваться что за биле гол». «Однажды Вася начал рисовать. Он долго рисовал а вечером он закончил. На картине было изброжено «Мальчики дерутся из-за девочку». «Однажды Паша играл на барабане. Мальчик подошёл к нему и на чел собирать у него барабан и они начали драться. После драки учитель подошел и на ругала их».

В результате первых занятий стало ясно, что, несмотря на свободную коммуникацию и отсутствие заметных трудностей в восприятии речи окружающих, общее развитие ребенка явно не соответствовало возрасту. Столь же явным оказалось отставание речевого развития – девочка 12-и лет проживала этап перехода от ситуативной речи к контекстной, приходящийся в норме на дошкольный возраст.

Встреча с этой девочкой еще раз убедила меня в том, что успешно проведенная операция и благополучный запускающий этап реабилитации – очень важное, но недостаточное условие для помещения ребенка в обычную школу.

Не лучше ли в этом случае было бы перейти в школу для слабослышащих детей, где можно обеспечить и необходимую речевую среду, и специальную поддержку, и подготовку к жизни, и круг понимающих любящих сверстников...

Случай четвертый Сереза И.

Тяжелая тугоухость была выявлена у Серезы И. в возрасте 1 года 1 месяца. Дополнительные первичных нарушений не было. Ребенок был слухопротезирован и посещал детский сад для глухих и слабослышащих детей. Кохлеарная имплантация проведена в 4,5 года. Адекватную психолого-педагогическую реабилитацию организовать не удалось по целому ряду семейных обстоятельств. К началу школьного обучения запускающий этап реабилитации у ребенка не был завершен: он не только не перешел на путь естественного развития, но и значительно отставал в развитии даже от глухих сверстников. Поэтому мальчик начал учиться в специальной школе в группе для детей с тяжелыми нарушениями слуха, сочетающимися с другими нарушениями развития. Только в 12 лет смог благодаря усилиям сурдопедагогов и семьи перейти в класс для глухих детей той же специальной школы, где теперь учится достаточно успешно. До настоящего времени общее развитие Серезы грубо отстает от возрастной нормы, и в ближайшей временной перспективе нет шансов сближения с ней. Вследствие незавершенности запускающего этапа реабилитации мальчик сохраняет промежуточный статус «Уже не глухой, еще не слышащий» на протяжении 8 лет, прошедших с момента операции.

Из дипломной работы выпускницы психологического факультета

Сереза родился в полноценной семье, включающей и маму и папу, однако папа присутствовал в жизни ребенка только до 3 месяцев, что стало тяжелым испытанием для матери, с которым ей было очень трудно справиться. Весь груз финансовых и бытовых забот лег на плечи бабушки ребенка.

Со слов бабушки, никаких наследственных и хронических заболеваний ни у отца, ни у матери ребенка не было. Беременность протекала нормально, но роды проходили тяжело. Состояние ребенка после рождения оценивалось врачами как хорошее. Все этапы раннего развития ребенка происходили свое-

временно. Начал держать голову, переворачиваться, ползать, ходить. Гуление и лепет им использовались активно, а вот слова не появились. Проблемы со слухом были впервые замечены в яслях воспитателем, Сереже на тот момент был 1 год и 1 месяц. Вскоре был поставлен диагноз «Нейросенсорная тугоухость 4 степени», и ребенок был слухопротезирован.

Чтобы устроить ребенка в детский сад для детей с нарушенным слухом, семья переехала из одного города в другой.

Хотя Сережа и не говорил, но производил на окружающих впечатление умного развитого ребенка. Он хорошо собирал пазлы, складывал пирамидку, строил из кубиков. К сожалению, директор садика, в который ходил мальчик, не советовала устанавливать кохлеарный имплант, объясняя это тем, что метод до сих пор не исследован, и всячески отговаривала бабушку от операции.

По прошествии только трех лет с момента постановки диагноза Сереже была проведена кохлеарная имплантация, но подключение процессора было сделано неправильно: имплант был включен на режим «Т» (телефон), который может использоваться только взрослыми людьми. Из-за этого в течение полугода после операции (до 5 лет) Сережа не слышал! В этот же период мама оставляет семью (бабушку с внуком), и официальным опекуном мальчика становится бабушка.

После перенастройки процессора на протяжении двух лет до школы мальчик, уже не посещавший специальный детский сад, занимался периодически со специалистом центра, в котором была проведена операция. Но, к сожалению, эффективность этих занятий была не очень высока, так как каждый раз ребенку приходилось добираться сначала на электричке, потом на метро, затем на автобусе, после чего еще подолгу ждать начала занятий. К этому времени все больше очевидным становилось отставание в развитии не только от слышащих сверстников, но и от глухих детей, получивших хорошую дошкольную подготовку. О поступлении Сережи в общеобразовательную школу речь идти не могла. Бабушке удалось устроить его только в специальную школу для глухих детей, в класс для детей с нарушенным слухом в сочетании с задержкой развития, где кроме него было еще четыре глухих ребенка с дополнительными нарушениями.

Занятия в первой половине дня вел преподаватель, который учитывал ситуацию имплантации и старался как мог развивать слуховые возможности Сережи. Но во второй половине дня с ребятами находился воспитатель, который общается со всеми детьми как с глухими. Бабушка вынуждена была оставлять ребенка на пятидневке. И только выходные он проводил с ней дома. Бабушка всеми силами старалась обеспечить внуку общение с нормально слышащими и говорящими детьми и взрослыми. Возила на разнообразные мероприятия, устраивала праздники для родственников, приглашала домой друзей и знакомых для общения и игры с Сережей. Просила ребят во дворе принимать его в свои игры, но это редко удавалось. Чаще это заканчивалось тем, что Сережа убегал из компании, и лишь в редких случаях общение как-то налаживалось, и дети могли хотя бы короткое время совместно во что-то поиграть.

Гулять он не любит, постоянно рвался домой, к своим любимым игрушечным поездкам. Постоянно и с удовольствием смотрел кино с яркими простыми сюжетами (рекламные ролики о катастрофах в метро и др.), пытался «повторять» увиденные сцены с игрушечными поездами и фигурками людей.

Дома бабушка старалась привлекать Сережу к домашним делам, хотя он сам и не предлагал помощь, но имел свой круг обязанностей и исправно исполнял их – выносил мусор, мыл за собой посуду, заправлял постель, стирал свое нижнее белье, иногда пылесосил. Отношения с бабушкой были теплые и доверительные: Сережа был дома ласковым, с радостью обнимал, целовал бабушку, часто «вис» на ней и звал «мамой». Со слов бабушки: «Бывает, напивив сыр и хлеб, несет завтрак в кровать, чтобы меня порадовать, и все в двух экземплярах», однако даже бабушке становилось с каждым годом все тяжелее и тяжелее договариваться с Сережей и управлять его поведением. Негативизм нарастал, он был готов заниматься только тем, что ему нравилось, это проявлялось и на занятиях в школе, и на занятиях в реабилитационном Центре, где он вместе с бабушкой находился трижды по три недели. Несмотря на хорошие условия пребывания в Центре, результаты реабилитации ребенка с КИ были незначительными. Занятия не всегда соответствовали уровню развития Сережи, его реальным интересам и, главное, – не учитывали незавершенность этапа реабилитации ребенка после КИ.

С трудом удавалось преодолевать все нарастающий негативизм. Кто бы ни брался за обучение Сережи и что бы ни предлагал ему сделать, мальчик закрывал лицо руками, опускал голову и говорил глухим протяжным голосом «нет». Дело дошло до того, что возможность обучения имплантированного ребенка без дополнительных нарушений в специальной школе для глухих стала ставиться под сомнение. Ценой невероятных усилий сурдопедагогов и семьи удалось за последний год добиться возможности обучения Сережи вместе с другими глухими детьми в классе. Он начал выполнять задания на уроке, стремиться к хорошим оценкам, взаимодействовать с глухими сверстниками, даже стал пытаться отвоевать лидерские позиции.

В настоящее время Сереже 12 лет, он учится в пятом классе школы для глухих. Благодаря импланту воспринимает речь, но понимает только знакомое и в конкретной ситуации, использует дактилологию даже в общении с бабушкой. В общении и в обучении пользуется преимущественно зрительно-слуховым восприятием, собственная речь ребенка крайне бедная, не интонированная, голос глухой, говорит очень тихо, хотя достаточно внятно. Разрыв между паспортным и психологическим возрастом ребенка чрезвычайно велик. Его развитие соотносится с развитием маленького ребенка, при этом пубертатный период уже накладывает свой отпечаток на предпочтения, интересы и поведение ребенка.

Случай Сережи – это пример трагической ситуации, когда тугоухий ребенок без интеллектуальных нарушений, имплантированный в 4,5 года, выпав из традиционной системы обучения детей с нарушенным слухом, не только не приблизился к возрастной норме, но и не достиг уровня развития и обучения глухого ребенка своего возраста. Запускающий этап реабилитации не

был завершен на протяжении почти 8 лет, и сегодня нет другой альтернативы кроме создания условий для перевода ребенка на путь естественного развития коммуникации и речи, а также максимально возможного в этом случае преодоления отставания в развитии. При этом проблемой остается среда, в которой сможет жить и развиваться ребенок.

Список литературы

- ГОНЧАРОВА Е.Л.: *Изменение статуса ребенка с кохлеарными имплантами на разных этапах реабилитации*. «Альманах Института коррекционной педагогики» 2015, № 21. Выпуск 1. <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-21/izmenenie-statusa-rebenka-s-koxlearnymi-implantami-na-raznyx-etapax-reabilitaczii> [дата доступа: 3.12.2016].
- Программы специальных (коррекционных) образовательных учреждений I вида*. Сборник 1, подготовительный. 1–7 классы. Сост. Т.С. Зыкова. Москва, Просвещение 2003.
- Психолого-педагогическая помощь после кохлеарной имплантации. Реализация новых возможностей ребенка*. Ред. О.И. Кукушкина и др. Москва, Полиграфический сервис 2014.
- САТАЕВА А.И.: *Запускающий этап реабилитации – решающая роль сурдопедагога*. «Альманах Института коррекционной педагогики» 2015, № 21. Выпуск 1. <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-21/zapuskajuschij-etap-reabilitaczii-reshajuschaja-rol> [дата доступа: 23.11.2016].